

В. А. Марьянчик
Архангельск, Россия

V. A. Maryanchik
Arkhangelsk, Russia

**ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ
КАК МЕДИА-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ**

**SACRIFICE
AS MEDIA-POLITICAL SCRIPT**

Аннотация. В статье рассматривается сценарий как главный компонент аксиологической структуры медиа-политического текста. Перечислены признаки текстового сценария, дано его определение. Автор описывает ядерный сценарий медиа-политического дискурса «Жертвоприношение». На этом материале демонстрируется алгоритм анализа сценария.

Abstract. The article presents a description of a script as the main component of axiological structure of the media-political text. The author lists signs of text script, gives its definition. The author describes central script media-political discourse "Sacrifice". This paper demonstrates the script analysis.

Ключевые слова: медиа-политический текст; сценарий; событие; сценарный анализ медиа-политического текста.

Key words: media-political text; script; event; script-writing of the media-political text.

Сведения об авторе: Марьянчик Виктория Анатольевна, доцент, кандидат филологических наук, кафедра русского языка.

About the author: Maryanchik Victoriya Anatolievna, Assistant Professor, Candidate of Philology, Department of the Russian Language.

Место работы: Поморский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Place of employment: Pomor State University n. a. M. V. Lomonosov.

Контактная информация: 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.
e-mail: marvik69@yandex.ru.

Событие относится к глобальным категориям текста. Анализ медиа-политического текста в событийном аспекте имеет две стороны: 1) за текстом всегда стоит событие, текст отражает общественно значимые события; 2) текст сам является событием массовой коммуникации. Связь этих сторон обусловлена тем, что текст погружается в экстралингвистическое пространство — в событийную сферу, в политическую ситуацию, так как он имеет статус центрального компонента медиа-политического дискурса. Текст «впитывает» то или иное событие (ряд событий), пропуская его сквозь фильтр медиафрейминга — процесса переструктурирования реального события в медиатексте (см. термин в [Аспекты исследования картины мира: 98]). Событие в форме сюжета включается в структуру текста и становится устойчивой составляющей композиционной формы медиа-политического текста. Сюжет служит некой рамкой образа события, создаваемого в тексте. Образ события в настоящем, прошлом или будущем может являться номинативным смыслом любого простого предложения, ср.: *Вероятно, что создание электронного правительства — это новый виток модернизации; Теперь разберемся, где «накосячили»; Уверю, это резко снизит количество звонков и визитов недовольных граждан; Человек заходит на сайт [Необюрократия. Электронное правительство несет в себе новый виток бюрократизма // Московский комсомолец в Архангельске. 2010. 03.11].* В тексте формируются хронологические и каузальные цепочки событий, а также событийные поля, включающие различные аспекты, детали, оценки, эмотивные и образные интерпретации одного события. В событийном поле

выделяется метафорическая зона. Например, в указанной выше статье используются языковые и авторские метафоры при создании образа электронного правительства, ср. *новый виток бюрократизма и мать электронного правительства модернизация — дама скромная.* Метафоричность политического текста [см. Баранов 1991; Калашникова 2008; Лакофф, Джонсон 2006; Чудинов 2003] выполняет две противоположные функции: с одной стороны, метафора индивидуализирует текст, с другой — типизирует, создавая «сценарную» метафору болезни, борьбы и др. Однако метафора не единственный способ обобщения уникальных событий, создания некоего стереотипного представления о медиа-политическом событии. Основной когнитивной структурой, типизирующей образ события в сознании говорящего и слушающего, является сценарий.

Учитывая многообразие трактовки термина *сценарий* в рамках психологических, философских, журналистских, лингвультурологических, социолитературоведческих, литературоведческих и когнитивных концепций, считаем необходимым уточнить свое понимание термина. Мы опираемся на когнитивные теории, рассматривающие сценарий как систему/ряд фреймов, ситуаций. Такое понимание отражено в работах М. Минского, Н. Н. Болдырева, А. П. Чудинова и других ученых. Сценарий понимается нами как некая цепочка событий или эпизодов стереотипного события, это ряд сцен (ситуаций) в действии, ограниченном 1) маркерами темпоральности, 2) маркерами локальности, 3) ролевыми маркерами и 4) маркерами поведенческой модели. Сценарий хранится в сознании, в культурной памяти и актуализируется в тексте при-

менительно к тому или иному событию с целью его аксиологической и культурной интерпретации. Очевидны связи когнитивных единиц «стереотип» — «сценарий», «фрейм» — «сценарий» и «концепт» — «сценарий». Элементы каждой пары имеют обоюдное влияние. Так, сценарий есть результат стереотипизации представлений о ходе событий. В то же время стереотип социального поведения формируется на основе знания культурных сценариев. Сценарий имеет фреймовую структуру, так как хранится в сознании в качестве довольно жесткой схемы, представленной как последовательность действий. Также сценарий можно анализировать как систему (ряд) фреймов: сценарий отражает представления о типичном разворачивании события, событие складывается из ситуаций, фрейм структурирует ситуацию, слот (элемент ситуации) представляет часть фрейма. Сценарий соотносится с концептом, поскольку концепт может быть развернут в сценарий. Перспективу концептуального осмысления имеют, пожалуй, все сценарии социального взаимодействия (*суд, экзамен, ухаживание* и т. д.). Концепт может стать элементом сценария, например, заполнить ролевую позицию (*лжец* в сценарии «Обман», *вор* в сценарии «Преступление», *спаситель* в сценарии «Спасение» и т. д.).

Сценарий медиа-политического текста базируется, как правило, на серии повторяющихся событий, объединенных ролевыми маркерами. Однако в такой цепочке одно прецедентное событие может стать смысловой опорой сценария, ср. *Трансвааль, Беслан* и др. Однако не каждый сценарий имеет прецедентное ядро. Сценарии, представление о которых хранится на уровне культурного подсознания и требует минимальной актуализации в тексте, называются прототипическими. К прототипическим сценариям медиа-политического текста относятся «Синекура», «Обман», «Игра», «Ошибка» и др. Такие сценарии предполагают соотношение их структуры с множеством социальных событий. Признаками сценария выступают прототипичность, повторяемость, инвариантность, аксиологическая, эмоциональная, оценочная и культурологическая маркированность. Эмоционально-оценочная составляющая является важной в структуре сценария, поскольку событие соотносится со сценарием автором (далее — читателем текста) не только и не столько на основе знаний о событиях, сколько в результате переноса авторских чувств, эмоций на новую ситуацию с уже известной. При восприятии текста читатель «узнает» эти эмоции и проецирует оценочную составляющую сценария на событие, отображаемое в тексте.

Сценарии могут быть событийными («Выборы», «Акция», «Победа» и т. д.) и/или морально-этическим («Игра», «Обман» и т. д.). В некоторых сценариях событийный и этический элементы тесно переплетаются. К таким сценариям относится, например, «Жертвоприношение».

Мотив жертвы — излюбленный мотив медиа-политических текстов. В образе жертвы может предстать человек, группа лиц, идеология, политическая или экономическая система. Жертва вписывается в систему отношений «Злодей — Жертва — Герой» и позволяет выстроить концептуальную оппозицию медиа-политического текста «свой — чужой». Медиа-политический сценарий «Жертвоприношение» относится к метафорическим сценариям и связан с архетипическим мотивом наказания/испытания детей мучительной смертью. Т. В. Цивьян в книге «Античность. Язык. Миф. Знак. Миф и фольклор. Поэтика» называет важные признаки ритуала жертвоприношения: неслучайность выбора, исключительность жертвы (в качестве жертвы выбирается юное существо или статусное лицо — жрец и т. п. — несущее ответственность за род); жертвенность (добровольность жертвы); прецедент жертвы (мотив рода). По нашим наблюдениям, в медиа-политическом дискурсе эти признаки сохраняются частично: не всегда соблюдается условие добровольности жертвы. По мнению исследователя, в современном обществе, как и в архаичном мире, жертва выполняет функции юридической машины: важно не столько наказать, сколько предотвратить аналогии [Цивьян 2008: 9—24]. Смысл жертвоприношения заключается в том, что «прекращение реального, спонтанного зла совершается с помощью зла семиотического, по форме такого же, но приобретающего сакральный статус — и тем самым оправдание — так как оно (помимо своей семиотической “бесстрастности”) должно стать последним, прервать движение зла, ведущее к хаосу, и сохранить космический порядок. Чем трагичнее и ужаснее выглядит жертвоприношение, чем с большей убедительностью осуществляется “инсценированное зло”, тем больше надежности и эффективности в этом контрастном средстве борьбы со злом» [Там же: 11]. Культурологический смысл жертвоприношения определяет эпизоды медиа-политического сценария: 1) субъекты_{1, 2...n} подвергаются некоему внешнему негативному воздействию, находятся в неблагоприятной ситуации; 2) для прекращения внешнего негативного воздействия субъект₁ выбирает объект-жертву; 3) субъект₁ объявляет/полагает объект-жертву как средство прекращения внешнего негативного воздействия или как причину (виновника) неблагоприятной ситуации; 4) субъект₁ оказывает на объект-жертву негативное воздействие, причиняет ему ущерб; 5) объект-жертва смиряется или оказывает сопротивление; 6) субъекты признают жертвоприношение удачным или неудачным в зависимости от прекращения/продолжения негативного воздействия.

Сценарий «Жертвоприношение», как и другие прототипические сценарии, актуализируется в тексте вербальными маркерами и может получить полную или редуцированную реализацию. Например, этот сценарий в редуциро-

ванном виде представлен в статье Л. Радзиховского «Проект» (Российская газета. 2009.17.02). Локальный маркер сценария — Россия, темпоральный — кризис. Первый эпизод сценария в тексте представлен полно: коллективный субъект (мы) находится в неблагоприятной ситуации (неэффективная сырьевая экономика), которую усугубил мировой кризис: *Кризис, помимо всего прочего, грубо и оскорбительно ткнул нас носом в то, что нам в принципе всегда было известно — в нашу ПОЛНУЮ зависимость от цены на баррель, которая задает границы суверенитета всех сырьевых стран.* Антропоморфная метафора сообщает эпизоду образность и эмоциональность. Действие ткнуть носом предполагает реакцию — ментальную, физическую, эмоциональную. Такая реакция применительно к политическому контексту предполагает некие изменения: *Что-то ИЗМЕНИТЬ. Как говорится, “отойти от сырьевой зависимости”. Наладить мотор экономики не только вовне страны, но и внутри ее. Кризис и правда для этого — идеальный момент.* В тексте эксплицируется переход от первого эпизода сценария ко второму: *Но как именно перекреститься, когда гром грянул?* Второй эпизод предполагает выбор объекта-жертвы: *СЕРЬЕЗНЫЕ деньги можно взять только в одном месте — выдрать их с кровью и мясом из социальной сферы. КРЕПКО подрезать пенсии-зарплаты и прочие школо-больницы — и пустить в дело, на Большой Проект. Так сказать, “компьютеры вместо масла”.* Объектом-жертвой становится социальная сфера. Это — жертва-средство. Она приносится ради *Большого Проекта*, ради получения средств: *Ну, вот например — откуда взять деньги?; Только вот, опять же — “Где деньги, Зин?”* Ироничность интертекста ставит под сомнение обоснованность выбора жертвы. Автор доказывает не только необоснованность, но и невозможность факта жертвоприношения: *Значит, вы, господа, даже не смеете ПРЕДЛОЖИТЬ — а кто-то возьмет на себя смелость РЕАЛИЗОВЫВАТЬ нечто подобное...* Жертвоприношение становится невозможным (эпизод четвертый не представлен в тексте), эта невозможность объясняется сопротивлением объекта-жертвы (эпизод пятый): *Люди, как им ни промывай мозги, не желают становиться винтиками для строительства будущей Великой Империи, а желают они, подлецы, сытно, удобно, по возможности безопасно жить “здесь и теперь”. И если государство ВЫНУЖДЕНО хоть в какой-то мере прислушиваться к их желаниям, то ни о каком затыгивании поясов ради Больших Проектов и речи быть не может — это значило бы затянуть петлю на шею самого государства.*

Этот же сценарий, но в другой реализации, представлен в статье А. Самариной «В политике: Медведев не боится главного?» (Независимая газета. 2009.10.02): *Редакция газеты “Ком-*

мерсант” принесла извинения супруге президента Светлане Медведевой “за редактирование без необходимых согласований фотографии, опубликованной на обложке приложения “Стиль Часы” от 27 ноября 2008 года”. Напомним: около месяца назад был уволен главный редактор этого издания. В газете тогда отрицали связь этой отставки с публикацией снимка. Теперь же — совершенно очевидно, что такая связь существует. Заодно выяснилось, что меседж рекламной кампании “Ъ” перед сменой хозяина Кремля под слоганом “не боимся главного” оказался чрезмерно самонадеянным. Главного, что бы и кто бы за этим термином ни скрывался, не бояться в нашей стране пока рано. А Андрею Васильеву — наш респект. В текст включены локальные и темпоральные маркеры. Место определяется по смежным антропонимам, время события четко обозначено в соответствии со стилистическими нормами публицистического стиля. Исходная ситуация в событийной цепочке — ущерб имиджу публичной персоны (*редактирование без необходимых согласований фотографии, опубликованной на обложке*). Сюжет можно рассматривать сквозь призму сценария «Наказание». Однако наказание — уникально, жертвоприношение — сакрально, его цель — «прервать движение зла» (см. выше). Наказание одного издания за действие, которое регулярно совершают многие, — это именно выбор жертвы, жертвоприношение. Субъект представлен перифрастически — *хозяин Кремля, Главный*. Сочувствие жертве, понимание сути жертвоприношения отражено в тексте в форме идеологических сентенций и этикетных клише: *<...> не бояться в нашей стране пока рано. А Андрею Васильеву — наш респект. Жертва представлена как виновник: В газете тогда отрицали связь этой отставки с публикацией снимка. Теперь же — совершенно очевидно, что такая связь существует.* Внешняя форма жертвоприношения — увольнение главного редактора. Пятый эпизод представлен как внешнее смирение жертвы: *Редакция газеты “Коммерсант” принесла извинения супруге президента Светлане Медведевой.* Жертвоприношение в тексте оценивается как эффективное, так как достигает своей цели: *Заодно выяснилось, что меседж рекламной кампании “Ъ” перед сменой хозяина Кремля под слоганом “не боимся главного” оказался чрезмерно самонадеянным. Главного, что бы и кто бы за этим термином ни скрывался, не бояться в нашей стране пока рано.*

Сценарий «Жертвоприношение» получает в медиа-политическом дискурсе многовариантные воплощения. Его центральные роли — Палач и Жертва. Несмотря на архетипичность образов и потребность языческого и религиозного сознания в жертве, оценочность медиа-политического сценария «Жертвоприношение» имеет пейоративный вектор. Это можно объяснить

тем, что из признаков архетипического действия удален важнейший элемент, оправдывающий действие Палача, — добровольность жертвы, жертвенность. Следовательно, жертвоприношение чаще всего воспринимается наблюдателем как показательное, публичное наказание, жестокость которого несоизмерима с величиной проступка.

Итак, сценарий «Жертвоприношение» является одним из ядерных сценариев, входящих в репертуар медиа-политического дискурса. Границы сценарного репертуара медиа-политического дискурса довольно подвижны: под влиянием экстралингвистического контекста могут появляться новые сценарии или актуализироваться забытые. Однако ядро сценарного репертуара устойчиво, что связано с аксиологической иерархией политического дискурса. Сценарий является базовым компонентом аксиологической структуры медиа-политического текста, включающей аксиологически маркированный сценарий, персонажные роли (носители ценностей/антиценностей), аксиологическое поле автора и адресата, межперсонажные оценки и оценочные векторы автора. Ценности и любые аксиологически маркированные компоненты культуры обладают признаком стабильности, что обуславливает устойчивость сценарного ядра. Медиа-политический сценарий получает имя, отражающее его содержание, и в ряде случаев — оценочный знак. Границы между сценариями не жесткие. Сценарии взаимодействуют в тексте по принципу «матрешки» (например, «Обман» как часть «Грехопадения»),

по принципу ступеней (например, «Скандал» может стать следствием «Выборов») или по принципу «пересекающихся кругов» (например, «Наказание» пересекается со «Спектаклем»). Сценарий эксплицируется с опорой на имя сценария и тематическую группу имени, на социальные глагольные предикаты, формирующие сюжет и создающие ролевые образы персонажей. Экспликация сценариев (их выявление, описание и анализ реализации в конкретных текстах) помогает выявить механизмы идеологической манипуляции в медиа-политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Аспекты исследования картины мира : моногр. / под общ. ред. проф. В. А. Пищальниковой и проф. А. А. Стриженко; АлтГТУ. — Барнаул, 2003.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991.

Калашникова Л. В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности: моногр. / ОрелГАУ — Орел, 2008.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. — М.: Флинта; Наука, 2006.

Цивьян Т. В. Язык: тема и вариации. Избр. Кн. 2.: Античность. Язык. Миф. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. — М.: Наука, 2008.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: моногр. / УрГПУ — Екатеринбург, 2003.

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Э. В. Будаев и проф. О. И. Воробьева